

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811(571=512.5):398.22

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522

EDN: AMXZRT

**К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
СЛЕДОВ ДОМОНГОЛЬСКИХ КЫПЧАКОВ
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДАСТАНА «АК КУБЭК»)****Д.М. Исхаков¹, И.Г. Закирова²**

¹ *Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Редакция журнала «Туган эфир. Родной край»
Казань, Российская Федерация
monitoring_vkt@mail.ru*

² *Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Российская Федерация
ilzakirova@mail.ru*

Цель исследования: рассмотреть проблему восточно-кыпчакского присутствия в предмонгольское время в Южной Сибири, на Алтае и сопредельных территориях, включая выявление следов конкретных клановых образований кыпчаков в данном ареале.

Материалы исследования: использованы данные татарского дастана «Ак Кубэк», арабские хроники и русские летописи, содержащие информацию эпического и исторического характера. Привлечены также ранее вышедшие труды, так или иначе затрагивающие данную проблематику, но нуждающиеся в критическом подходе и дополнении.

Результаты и научная новизна: изучение содержания дастана «Ак Кубэк» и арабских хроник ан-Нувайри и Ибн Халдуна, куда через мамлюков из кыпчаков попали эпические сведения, позволили сделать заключение о том, что в записанном В.В. Радловым сибирско-татарском дастане содержится важное историческое содержание, восходящее к предмонгольскому времени и связанное с кланами дурут (терьт, дурт) и токсоба, имевшими разные этнические истоки и занимавшими разные территории. Некоторых из эпических героев (хана Котьяна / (Кидана)) удалось связать с предводителями конкретных западно-половецких группировок (с главой Тертеровичей ханом Котьяном), в ходе монгольского завоевания удалившихся в Венгрию. Вторая группировка – токсоба (Токсобичи), которую в дастане олицетворяет главный герой разбираемого дастана княжеский сын Ак Кубек бий, относилась к восточно-кыпчакским клановым образованиям, участвовавшим в этногенезе сибирских татар, башкир, казахов и алтайцев. Время и причины попадания дастана «Ак Кубэк» к алтайцам однозначному решению не поддаются из-за миграций сибирских татар в ходе падения Сибирского ханства в регион Северного Алтая. Но предпочтительной представляется гипотеза о домонгольском присутствии восточных кыпчаков в Южной Сибири и на Алтае.

Ключевые слова: кыпчаки, восточные кыпчаки, кимаки, арабские хроники, клан дурут, клан токсоба, дастан, хан Котьян, бий Ак Кубек, Южная Сибирь, Алтай

Для цитирования: Исхаков Д.М., Закирова И.Г. К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак күбәк») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 504–522. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522 EDN: AMXZRT

**ON THE QUESTION OF THE PRESENCE OF TRACES
OF PRE-MONGOL KIPCHAKS IN WESTERN SIBERIA
(BASED ON THE ANALYSIS OF THE DASTAN “AK KUBEK”)**

D.M. Iskhakov¹, I.G. Zakirova²

*¹ Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Editorial board of the “Tugan jir. Native Land” magazine
Kazan, Russian Federation
monitoring_vkt@mail.ru*

*² G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ilzakirova@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To consider the problem of the Eastern Kipchak presence in the pre-Mongol period in Southern Siberia, Altai, and adjacent territories, including the identification of traces of specific Kipchak clan formations in this area.

Research materials: Data from the Tatar dastan “Ak Kubek”, Arabic chronicles, and Russian chronicles containing information of an epic and historical nature were used. Previously published works, which in one way or another affect this issue but need a critical approach and addition, were also employed.

Results and novelty of the research: This study of the content of the dastan “Ak Kubek” and the Arab chronicles of an-Nuwayri and Ibn Khaldun, in which epic information has been transmitted through the Mamluks from the Kipchaks, allows us to conclude that the Siberian-Tatar dastan recorded by V.V. Radlov contains important historical content dating back to the pre-Mongol period and related to the Durut (tert, durt) and Toksoba clans which had different ethnic origins and occupied different territories. It was possible to connect some epic heroes (Khan Kotyan / Kidana) with the leaders of specific Western Polovtsian groups, such as the Terterovichi Khan Kotyan who sought refuge in Hungary during the Mongol conquest. The second group, Toksoba (Toksobichi), which in the analyzed dastan is personified by its main character, the princely son Ak Kubek biy, belonged to the Eastern Kipchak clan formations that participated in the ethnogenesis of the Siberian Tatars, Bashkirs, Kazakhs, and Altaians. The time and reasons for the connection of the dastan “Ak Kubek” to the Altaians cannot be unambiguously resolved due to the migrations of Siberian Tatars to the region of the Northern Altai during the fall of the Siberian Khanate. However, the hypothesis of the pre-Mongol presence of eastern Kipchaks in Southern Siberia and Altai seems probable.

Keywords: Kipchaks, eastern Kipchaks, Kimaks, Arabic chronicles, Durut clan, Toksoba clan, Dastan, Khan Kotyuan, biy Ak Kubek, Southern Siberia, Altai

For citation: Iskhakov D.M., Zakirova I.G. On the question of the presence of traces of pre-Mongol Kipchaks in Western Siberia (based on the analysis of the dastan “Ak Kubek”). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 504–522. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522 (In Russian)

Введение

Варианты дастана «Ак Күбәк» были записаны В.В. Радловым у сибирских татар (у представителей тобольской и барабинской групп), в несколько иных версиях – у алтайцев (*алтай кижси*), а также хакасов (абаканских татар – *сагайцев*) [25; 26; 1; 7; 8]. Еще один текст под названием «Ак Кобек – Кара Кобек» был зафиксирован П.А. Фалевым у ногайцев [39]. Но судя по его содержанию, он не относится к кругу дастанов, да и в целом ничего общего с эпосом «Ак Күбәк», кроме названия, не имеет. Единственно, это произведение, определенное П.А. Фалевым «сказкой», может быть полезным с точки зрения выяснения смысла имени «Ак Күбәк». Кроме публикаций текстов данного дастана, изданных В.В. Радловым [25, с. 204–212; 26, с. 45–58, 142–152], а также Н.Ф. Катановым, использовавшем материалы В.В. Радлова [27, с. 392–393], на сегодня они доступны в сибирско-татарских вариантах как на литературном татарском [1], так и в переводе этих вариантов на русский язык [41, с. 186–200, 382–393].

Этот дастан достаточно полно изучен фольклористами [30; 39; 37; 36; 38; 4; 7; 8]. Однако, содержание дастана «Ак Күбәк» с точки зрения выявления имеющихся там исторических реалий исследовано явно недостаточно, хотя на них обращали внимание уже Г.Н. Потанин и под влиянием его труда – П.А. Фалев. К настоящему времени из публикаций последнего плана можно назвать лишь статьи казахского историка А.К. Кушкумбаева [19] и этнолога Д.М. Исхакова [15].

Между тем имеется настоятельная потребность в раскрытии «зашифрованного» в рассматриваемом дастане этноисторического контекста, ибо его прояснение не только позволит установить этнокультурную принадлежность того мира, где он сформировался, но и высказать некоторые новые суждения относительно присутствия в Южной Сибири и на Алтае восточно-кыпчакских этнических формирований в предмонгольское время. Задачей настоящей публикации как раз является выделение на основе анализа эпоса «Ак Күбәк» содержащейся в нем значимой исторической информации и формирование на ее основе новых подходов к изучению домонгольского пласта истории тюрок Южно-Сибирско-Алтайской зоны, связанного с восточными кыпчаками, но не только.

Уже Г.Н. Потанин обратил внимание на то, что записанные В.В. Радловым варианты дастана «Ак Күбәк» имеют сходство с текстами исторических преданий, попавших в труды арабских историков ан-Нувайри (1279–1333) и Ибн Халдуна (1333–1406). Этот автор, размышляя о том, как основные сюжеты эпоса, бытовавшего далеко на востоке, попали к арабам, сделал следующее заключение: «... эти сказки жили у Половцев в южной России, где их подслушал египтянин... Они <затем> могли легко от Половцев зайти к другим сосе-

дям иноплеменникам» [30, с. 123]. С тех пор подобные рассуждения у исследователей, занимавшихся данным дастаном, стали общим местом, но предполагаемые ими легкий «заход» к кыпчакам этого произведения или «подслушивание» арабами данного эпического произведения у половцев (кыпчаков) «Южной России», остались не более чем догадкой, особенно, если учесть, на каком громадном расстоянии этот дастан от Египта был зафиксирован.

Понятно, что вопрос о том, как дастан «Ак Күбэк», точнее, связанные с ним сюжеты, попали к арабским историками XIII – начала XV вв., должен быть решен более конкретно. К сожалению, А.К. Кушкумбаев, сделавший ряд существенных наблюдений относительно исторического контекста сообщений ан-Нувайри и Ибн Халдуна, на поставленный выше вопрос ответа не дал [19, с. 80–81]. В итоге на него постарался найти ответ один из авторов настоящей публикации [15].

Сообщения арабских историков

Дело в том, что ан-Нувайри, приводящий рассказ, совпадающий в общих чертах с содержанием дастана «Ак Күбэк», после сообщения о поражении Аккубуля (Ак Кубьяка) от хана Котяна, приводит известие о поездке брата Аккубуля Ансара (Унсара) к Душихану (=Джучи), с просьбой напасть на их противников (это – клан Дурут), а когда те были разбиты, по сообщению этого автора, произошло следующее: «... <Души> ... большую часть их избил и захватил в плен. В это-то время их купцы и повезли их в разные города и земли» [9, с. 65]. Это сообщение с некоторыми особенностями содержится и у Ибн Халдуна, свой пассаж завершающего следующим весьма примечательным замечанием: «... племя Дурут из Кипчаков, а племя Токсоба из Татар, ... все перечисленные племена (о них см. далее – Д.И.) – не от одного рода и Тюрки, находящиеся в Египетских землях – из Кипчаков» [9, с. 65]. Становится понятно, что в целом в названных сообщениях подразумеваются мамлюки, что совершенно очевидно из известия позднего арабского историка ал-Айни (1361–1451), вторящего ан-Нувайри: «... Взятые в плен (а в их числе и кыпчаки – Д.И.) ... были отведены в земли Сирийские и Египетские. От них и произошли мамлюки...» [9, с. 350].

В итоге можно высказать рабочую гипотезу о том, что имеющиеся в дастане «Ак Күбэк» сюжеты в арабские хроники могли попасть из воспоминаний кыпчаков, попавших в плен и отправленные в арабские владения – в первую очередь, в Египет. Но для того, чтобы установить, когда предания, сохранившиеся у кыпчакских мамлюков, приобрели характер дастана, и что в нем исторически достоверного, нам придется вернуться к сравнительной характеристике содержания сообщений арабских хронистов и сохранившихся, главным образом, у татар, вариантов дастана «Ак Күбэк».

Начнем с труда арабского энциклопедиста из Египта ан-Нувайри в 30 томах «*Нихайт ал-араб фи фунун ал-адаб*» (др. название – «*Мунтаха ал-араб фи 'илм ал адаб*»), доведенного до 725 г.х. (1324/1325). В главе «О делах Тюркских» («*Зихр ахбар ал-атрак*»), рассказывая о монгольских завоеваниях времен Чингисхана, он сообщает, что после похода 616 г.х. (1219/1220) «западные татары», то есть монголо-татары, вернулись обратно к своему предводителю, а «тюрки» (а это прежде всего, кыпчаки – Д.И.), которые в ходе этого похода разбежались, уже к 626 г. (1228/1229) вернулись на «свои места в Северных

землях». Похоже, что в последнем случае подразумевается второй поход монгольских войск во главе с Субэдеем, как известно, мало затронувшем западные кыпчакские земли. По ходу этого сообщения, ан-Нувайри приводит сведения о клановом составе этих «тюрок» – кыпчаков. Это были 11 племен: 1) Токсоба, 2) Йета, 3) Бурджоглы, 4) Бурлы (Илбарили / Елбарыли), 5) Кангуолы / Кангароглы, 6) Анджоглы, 7) Дурут, 8) Карабароглы (более точно – «Кулабаоглы / Кулабаогли»), 9) Джужнан (Джорган), 10) Карабиркли, 11) Котян [9, с. 63–64]. Далее этот автор передает следующее весьма важное для нас известие: «... Случилось (однажды), что человек из племени Дурут, по имени Мангуш, сын Котяна, вышел охотиться; встретил его человек из племени Токсаба по имени Аккубул (?), – а между обоими (племенами) было старинное соперничество, – и взял его в плен да убил его. Не доходила весть о Мангуше до отца и людей его, и послали они человека по имени Джамгар (или Джалангар) разведать его. Этот вернулся и сообщил им известие об умерщвлении его. Тогда отец его (Мангуша) собрал людей своих и племя свое и пошел на Аккубуля. [Тот] ... собрал людей своего племени и приготовился к сражению... Они ... сразились; победа осталась за племенем Дурут. Аккубул сам был ранен, а рать его разбреглась. Тогда он брата своего Ансара (Унсара) отправил к Душихану, которого Укедийа ... отрядил в Северные страны, <который> пожаловался ему (Души) на то, что приключилось народу его со стороны Кипчакского племени Дурут, и сообщил ему, что если он пойдет на них, то не встретит (там), кроме их (Дурутов), ни одного противника. Тогда он (Души) двинулся на них своими войсками, напал на них...» [9, с. 65].

Это сообщение с некоторыми особенностями содержится и у Ибн Халдуна (ум. в 1406 г.), где Мангуш, сын Котяна, поименован «Мангушем, сыном Китмира», а его соперник – Акакийяком, Джамгур – Джаланкаром, Ансар – Аксаром [9, с. 66]. Другой пассаж этого автора – относительно принадлежности клана дурут к кыпчакам, а клана токсоба – к татарам, мы привели выше.

В целом, ранее уже был сделан вывод о том, что у ан-Нувайри и Ибн Халдуна приводятся названия западных кланов кыпчаков из Дешт-и Кыпчака [9, с. 64]. Весьма вероятно, что это так. Но кроме того следует указать, что имя противника Мангуша (Манкуша) у этих авторов имеет варианты Аккубул / Акакийяк, что позволяет расшифровать его именно как Ак Кубяк (*Ак Кубяк*).

Информация из дастана

То, что летописное известие, передающееся ан-Нувайри и Ибн Халдуном, отражает дастан «Ак Кубяк», практически не подлежит сомнению. Чтобы в этом убедиться, достаточно вкратце рассмотреть содержание данного дастана, в особенности, татарских его вариантов. Согласно им, в некоем городе у бия по имени Ак Бытык родился сын, которому дали имя «Ак Кубяк». Сын бия обладал рядом чудесных качеств: разговаривал еще в чреве матери, был с детства очень силен, не вполне еще выросший пошел звать людей на свою свадьбу и по пути встретил хана по имени Кидан. Последнему Ак Кубяк не понравился и он поручил своему сыну – султану Мангушу, убить его. Тот позвал его на охоту, подумав, что там легче будет его уничтожить. Но Мангуш решил действовать хитростью и поочередно попросил Ак Кубяка отдать ему своего коня

(ур кулак*, ат), собаку (ит) и ловчую птицу (кош), когда это не получилось, попытался забрать у него саблю (кылыч) и горн (быргы), но и тут он не преуспел. Затем они подошли к одной горе, где Мангуш предложил ее обойти с двух сторон с условием – кто раньше обогнет ее, тот имел право отрубить голову запоздавшему. Так как хитрый Ак Кубяк попросил свою сестру устроить пир с 40 девушками и завлечь туда Мангуша, последний опьянел, а Ак Кубяк его застал в постели и после ряда обрядов, отрубив ему голову, ушел домой. А между тем хан Кидан отправил к нему посла, чтобы узнать, что случилось с его сыном. Когда выяснилось, что Мангуш убит («Манар тауда йортлады / осел у горы Манар»), хан собрал войско и пошел к Ак Кубяку. Причем в войске находились легендарный Салыр Казан и некто «Буйдар Алып». При этом сам Кидан также назван «алпом». Салыр Казан попытался убить Ак Кубяка, но тот, применив ряд хитростей, в конце концов отрубил ему голову, затем врезался в войско хана Кидана, но тот оказался проворнее и вонзил в него копье. Раненый Ак Кубяк ушел домой и попросил брата закопать его в землю и не трогать до пятницы, но тот разбудил его раньше срока и затем герой дастана залег в могилу и умер. После его смерти хан Кидан сражался с его братом, но затем помирился с ним и они забыли былую вражду.

Реконструкция исторического содержания дастана

Из этого, вообще-то довольно незамысловатого сюжета данного дастана, нас в первую очередь заинтересовали имена хана Кидана (возможные тюркские формы его имени – *Кидан / Китан / Котан*), а также сына бия Ак-Бытыка Ак Кубяка и сына указанного хана, султана Мангуша. Причина, как думается, вполне понятна: имена этих личностей есть и в арабских хрониках (знаменитого героя огузского эпоса «Китабе деде Коркут» Салор-Казана пока оставим в стороне). То, что в дастане «Ак Күбэк» и в исторических преданиях, попавших в труды арабских историков, речь идет об одних и тех же фигурах, сомнений у нас нет. На этот счет есть несколько доказательств: во-первых, это, конечно, имена враждующих знатных кыпчаков – Мангуш / Манкуш б. Котян / Китян и Ак Кубяк (Кубул / Кийак); во-вторых, достаточно близкое написание имеют и имена посла Котяна: по ан-Нувайри, отправленного разведать судьбу Мангуша разведчика – посла звали «Джамгар / Джалангар» (на тюркском, скорее всего, *Чамгар / Чалангар*) [9, с. 409], а фольклорного посланника из дастана «Ак Кубяк» звали «Чылак»; в третьих, в эпосе фигурирует не названный по имени брат Ак-Кубяка, сразившийся с Котяном после смерти своего брата; у Ак Кубяка, согласно ан-Нувайри, тоже был брат и он называется им по имени – его звали Ансар / Унсар, правда, он не сражался с Котяном, а отправился к Джучи с жалобой на действия этого хана и призавшего Джучи к действиям против группы *дурут* и тем самым способствовавшего их разгрому и пленению; в четвертых, эпический и исторический Ак Кубяк вначале получают сильное ранение; в обоих случаях, в пятых, речь идет об их столкновении впервые на охоте.

* Тут эпическое определение коня Ак-Кубяка как «ур кулак», возможно, имеет древнетюркское или монгольское происхождение. Во всяком случае, у Рашид ад-Дина есть монгольское выражение «чаган аман кул» – «беломордый конь» [9, с. 194]. Да и у татар жеребчик обозначается как «колын».

Но в летописных материалах, по сравнению с дастаном «Ак Күбәк», есть и различия, о которых уже говорилось – это присутствие в арабских хрониках данных о клановой принадлежности хана Котяна и его сына султана Мангуша – они относились к клану *дурут*, а их противника Ак-Кубяка – к клану *токсоба*. Очевидно, что эта информация попала к хроникерам из среды кыпчакских мамлюков. Но она требует отдельного разбора, ибо связана с весьма сложной проблемой этнических компонентов кыпчакской общности, в особенности, имеющей отношение к ее разделению на кыпчаков западных и восточных. К этому вопросу мы еще вернемся, но до того нам важно установить историчность фигур хана Котяна (Кидана), его сына султана Мангуша, и, конечно, их противника Ак-Кубяка, сына бия Ак-Бытыка.

Достаточно уверенно можно утверждать, что эпический, а также летописный хан Кидан – это, скорее всего, известный кыпчакский предводитель самостоятельного половецкого объединения эпохи монгольских завоеваний в Восточной Европе хан Котян, ушедший в 1237 г. со своей 40-тысячной ордой в Венгрию [28, с. 125]. Он был тестем галицкого князя Мстислава Мстиславовича (умершего в 1228 г.), в 1226 г. натравившего его на Галицкую Русь; в 1228 г. его в своих интересах использовал и киевский князь Владимир, а в 1235 г. хан Котян опять напал на Галицкую Русь [28, с. 181]. Похоже, что его орда находилась достаточно близко к западной части территорий древнерусских князей. Как мы уже видели, основу группировки кыпчаков во главе с ханом Котяном, успевшим породниться с князем Мстиславом Мстиславовичем, мог составлять клан *дурут* / *дурт*. Так как эти кыпчаки действовали в западнорусских землях, а в ходе монгольского нашествия 1230-х годов вообще ушли в Венгрию, их можно уверенно причислять к западнокыпчакским – куманским / половецким сообществам.

Не лишне будет отметить, что наследник венгерского короля Белы – Стефан, женился на крестившейся дочери (Елизавете) хана Котяна, получившего в Венгрии титул «*dominus Cumanorum*» / «владыка Куманов» и некоторое время жившего там. Но затем кыпчаки Котяна не поладили с венгерской знатью и в 1241 г. взбунтовавшись, ушли в Болгарию, а сам хан был убит. Тем не менее, эти куманы / кыпчаки в 1246 г. из-за монгольской опасности были обратно приглашены в Венгрию, там остались и позже были крещены, постепенно войдя в состав венгров [46, pp. 48–53].

О сыне хана Котяна – эпическом герое Мангуше, известных в письменных источниках пока обнаружить не удалось. Но мы можем отметить, что имя Мангуш (Манкош), скорее всего, как кыпчакское наследие, среди золотоордынских татар и их потомков в XIV в. сохранялось, да и позже оно известно у башкир и татар. Так, например, звали одного из посланников золотоордынского хана Узбека, ведшего переговоры начиная с 1314/1315 г. (затем в 1320, 1321/1322, 1323/1324 годах) в Мамлюкском Египте относительно «бракосочетания» и «мира» [9, с. 243, 246, 310, 315, 362, 364, 380]. Не исключено, что в Мамлюкский Египет на переговоры специально могли быть отправлены знатные татары из потомков кыпчаков. Кроме того, в 1624–1626 гг. в Алатырском уезде Русского государства известны князья Мангушевы (от них идет название села Мангушево), родоначальником которых явно был князь Мангуш [13]. Факт сохранения имени Мангуш у татар-мишарей, имеющих существенный золотоордынский-тюркский компонент, вряд ли случаен. У

башкир среди предков клана кыпчак фигурирует Мунаш би [5, с. 138–139], чье имя может быть производным от имени «Мункаш / Манкош» («к/г» могло быть у башкир замещено придыхательным «h»).

Относительно Ак Кубяка, явно бывшего из рода клановых вождей, с титулом «би / бий», мы имеем только эпические данные. Правда, есть наблюдение А.К. Кушкумбаева указавшего на присутствие имени «Аккобик алып» в генеалогии клана кыпчак из ответвления кара-кыпчак (линия Кобланды батыра) [19, с. 80]. На этот факт стоит обратить внимание.

Можем также отметить, что само имя «Кубяк / Кобяк» в половецком мире также было известно – так звали, в частности, главу кыпчакской группировки, занимавшей район р. Днепра в 1170-х годах (это был так называемый хан «лукоморских» половец Кобяк Карлыевич [28, с. 159, 161, 188]). Позже, как антропонимы и топонимы, это имя сохранялось (сохраняется) у татар (казанских и сибирских).

Интерпретация полученных данных

Теперь нам необходимо перейти к интерпретации имеющихся данных из дастана «Ак Кубяк» и из арабских хроник. Сразу скажем, что наиболее трудным из возникающих при анализе этих материалов вопросов, является поиск объяснения пассажа Ибн Халдуна относительно разной («не от одного рода») этнической принадлежности клана дурут (= из кыпчаков) и клана токсоба (= из татар). При этом Ибн Халдун специально подчеркивает, что «тюрки, находящиеся в Египетских землях – из Кипчаков» [9, с. 66]. То есть он проводит тонкое различие между египетскими мамлюками из кыпчаков и имевшими более сложное происхождение золотоордынскими татарами, которых арабы традиционно именовали последним этнонимом.

Все было бы хорошо с таким пониманием, если не одно обстоятельство: согласно башкирской исторической традиции, уран клана кыпчак у них звучал как «Туксаба!» [5, с. 146]; далее, в татарском историческом сочинении конца XVII в. «Дефтери Чингиз-наме» в разделе, где речь идет о наделении Чингизханом племенных вождей клановыми атрибутами (дерево, птица, уран, тамга), Кыпчак бию (а это эпоним и он является олицетворением там племени кыпчак) также дается уран «Тук Саба» [23, б. 52]. То есть относительно поздние источники клановое подразделение токсоба рассматривают, правда, в этом случае на основе одного только урана, как кыпчакское образование. И такому пониманию есть историческое обоснование – клановое формирование (или объединение / орда) под названием «Токсобичи» известно по русским летописным сообщениям именно у половец [28, с. 109]. По мнению С.А. Плетневой, эта группа кыпчаков, упоминающаяся в связи с их участием в междоусобице русских князей 1147 и 1152 годов, занимала территорию в степях междуречья Донца и Дона [28, с. 109], являясь в итоге всё же частью западной их группировки. Хотя нахождение Токсобичей на правом берегу р. Волги еще не означает, что какая-то часть клана токсоба не могла пребывать среди восточной группировки кыпчаков, имевшей отличные от западно-половецкой общности, составные части, тем не менее данный вопрос нуждается в более детальном объяснении.

И вот тут нам следует вернуться к дастану «Ак Күбәк», точнее к объяснению причин бытования его лишь среди тюрко-татарского населения Западно-Южно-Сибирского и Алтайского регионов (у казахов этот дастан не из-

вестен, хотя указанное выше родословное клана кыпшак / кара-кыпшак должно быть учтено).

Исходя из того, что дастан «Ак Күбэк» был записан среди сибирских татар, а также у части алтайцев (*алтай-кижи*) и хакасов (*сагайцев*), нам прежде всего следует выяснить возможные причины такого территориального бытования данного эпического произведения в прошлом. Одна из них лежит на поверхности – после падения Сибирского ханства часть сибирско-татарских групп («народ царя Кучума») ушла на восток, в район Алтая, и затем вошли в состав как алтайцев, так и хакасов [31, с. 89–90; 2, с. 57]. Так что не исключена передача рассматриваемого дастана предкам современных алтайцев и хакасов через этих переселенцев из среды тюркского населения Сибирского ханства. Однако, могут быть, и скорее всего, имелись, и другие причины проникновения дастана «Ак Күбэк» в Алтайский регион. В этой связи следует обратить внимание на присутствие в составе основных сеоков (родов) алтайцев из подразделения алтай-кижи клана (оймака) кыпчак, причем как одного из ведущих родов (из них, например, происходили укту-зайсаны) [31, с. 23–24; 2, с. 57–58]. Хотя иногда делаются попытки считать присутствующий в составе алтайцев род (сеок) кыпчак наследием государства Шибанидов и Ногайской Орды (см., например: [2, с. 57]), это вряд ли так. В частности, как отмечал еще А.П. Потапов, у теленгитов (а сеок кыпчак и некоторые др. связанные с ним роды, входили в их состав) имелись предания в том, что их предки пришли из «степи Конграй-Сагай» (Сагайской степи), а у хакасов-качинцев бытовали предания об их проживании в местности «Соко / Соки», локализуемой «на Иртыше», причем кумандинцы и качинцы сеока Соки (Сагай?) в качестве общих предков называли «Кумана / Кубана» [31, с. 32, 37–38, 59]. Далеко не случайно поэтому отнесение А.П. Потаповым части эпического творчества алтайцев, особенно, южных алтайцев, к периоду Улуса Джучи, а также – к кыпчакскому этапу, правда, без четкой их дифференциации между собой [31, с. 47].

На самом деле отделить этнокультурное наследие домонгольских кыпчаков от золотоордынско-татарского, включая шибанидского, исторического наследия, весьма трудно, что хотелось бы продемонстрировать на нескольких примерах. Первый из них имеет отношение к информации из суфийских рукописей, обнаруженных среди сибирских татар и опубликованных Н.Ф. Катановым под условным заголовком «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири». В этом многослойном источнике, рассказывающим о приходе мусульманских проповедников (шейхов) «из священной Бухары» для обращения в ислам «тюрок», живших в бассейне Иртыша, этнический состав их дается так: «народ Хотан», «народ Ногай» и «народ Кара-Кыпчак» (два других «народов»: «бунтовщики Тархан / Тарган хана» и «Остяки»), в первых трех случаях в рукописи обобщенно именующихся и «татарами». [16, с. 20–22]. Тут стоит обратить внимание на этнонимы «хотан» и «кара-кыпчак» Первый из них явно отражает этноним «киданы» (а в рукописи есть и упоминание Китая), а второй имеет прямое отношение к кыпчакскому этническому миру, причем к его восточной половине. Об этом, в частности, свидетельствует и казахское родословное, о котором мы уже упоминали – это шеджере клана (рода) кара-кыпшак племени кыпшак, в котором предком выступает «алып» по имени «Аккобик». Тут следует подчеркнуть, что по старой тюркской территориальной ориентации, цветные маркировки «ак» и «кара»

обозначали соответственно запад и восток, то есть клан кара-кыпчак, отмеченный в сибирско-татарской рукописи в бассейне Иртыша, существовавший как у казахов, так и у башкир [17, с. 177], являлся клановым образованием, локализованным первоначально на востоке кыпчакского мира. В поддержку такого заключения мы можем привести второй пример, на этот раз восходящий к «Мажму-ат ут-таварих» Аксикенти б. Нурмухаммада (конец XV – начало XVI вв.). В этом весьма интересном источнике, содержащем некоторые уникальные эпизоды из истории Улуса Джучи эпохи правления хана Токтамышша, много раз упоминается знаменитый Манас, возглавлявший «Каркаралинских кыпчаков» («*Каркара кыпчаклары*») [33, с. 43–47, 71; 3, с. 158]. По поводу местности «Каркара» имеются разные взгляды (полный их обзор см.: [3, с. 158–159]), более точным нам представляется вывод С.М. Ахинжанова, помещавшего этих кыпчаков к югу от Иртыша вплоть до о. Балхаш (с захватом гор Каркаралинских, Чингистауских и Тярбагатайских) [3, с. 158–159]. Согласно ал-Идриси, жившие там в его время кимаки (а это и есть восточные кыпчаки!) имели некоторые черты, присущие киргизам [3, с. 159]. Не удивительно, поэтому, присутствие в родоплеменном составе киргизов (в группе ичкилек) клана кыпчак наряду с кланами найман и телес [21, с. 92, 270–271], в двух последних случаях указывающих на алтайское этноисторическое наследие. По всем меркам тут также речь идет о восточных кыпчаках, именовавшихся «кара-кыпчак». Да и само присутствие в генеалогической схеме рода кара-кыпчак казахов имени их предка *Аккобик алта*, вряд ли случайно.

Из-за того, что перед нами в итоге возникли восточные (кара) кыпчаки, нам следует сосредоточиться на названиях двух известных из арабских хроник клановых этнонимов – дурут и токсоба, косвенно – в лице их вождей – присутствующих и в дастане «Ак Күбэк».

Начнем с «ханского» племени дурут (это – арабское написание). Можно думать, что под этим наименованием подразумевается кыпчакский (половецкий) клан терьт / терьтер, по русским летописям известный в 1185 г. как «Терьтеровичи». Этот клан (группа / орда) участвовал в том году в крупной битве половцев с русскими войсками [29, с. 163]. Термин «терьтеровичи» может быть разложен так: терьт / терьтер + оба. Корень тут *терьт*, скорее всего производный от понятия *дурт* – «четыре», к которому вначале добавлено окончание *ер / ир* – «муж, человек, люди», а затем формант множественного числа на древнерусском с патронимическим смыслом – *овичи* или, что пожалуй, будет более точно, окончание, производное от термина *обоғ* ~ *оох*, обозначавшего род, первоначально – союз кровных родственников [6, с. 341]. Но не следует забывать, что есть еще тюрко-татарское понятие (оно известно у нукратских татар) «*печи / бече*» – «родственное объединение», «патронимия», (отсюда видимо и термин «*бичә*»), в ряде говоров татарского языка означающий жену – об этом специально см.: [14]), что делает решение этого вопроса более сложным. Но так как в русских летописях встречаются и этнонимические формы *Каепечи*, *Токсобичи*, [12, № 1, с. 35], пожалуй более правильной будет последняя трактовка.

При обращении к этнониму *дурт / дурут / терьтер* [оба / овичи] на ум сразу приходит название одного из шести собственно татарских племен, приводимых у Рашид ад-Дина. Описывая «издревле известное в мире» племя татар, персидский историк отмечает, что у этого клана существовали «многочисленные вет-

ви», а затем указывает следующие шесть «ветвей» татар, по его мнению, бывших «известными и славными», а также имевшими собственные войска и отдельных государей: тутукулйут (тут собственно этноним – тутукул – Д.И.), татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-*терат*, татары-баркут [32, с. 101–103]. Как видим, в перечне татарских кланов тут присутствует племя *терат*, чье наименование фактически совпадает с кыпчакским этнонимом *терьт* / *дурт* / *дурт*. Случайно ли такое совпадение? Вряд ли. И вот почему.

Во-первых, приводимые Рашид ад-Дином в списке татарских кланов племена частично известны и среди золотоордынских клановых образований – это группы *алчи* (*алчын*) и *баркут* (в форме *баргут* / *буркыт*), причем локализованные в восточной половине Дешт-и Кыпчака. В частности, алчыны входили в состав ведущих кланов Астраханского ханства [3, с. 24], оказавшись, в конце концов, в составе казахов, а буркуты вначале жили на Алтае, затем фиксируются в средневековье в Приуралье и в Западной Сибири. Кстати, алтайский этноним меркит / мекрит также можно трактовать как бекрут / беркут / буркут (из-за б // м замены в тюркских языках). Далее, уже было обосновано мнение о том, что так называемые «Сибирские князья» – Тайбугиды, также являлись буркутами [13]. В результате появляется весьма сложная проблема прошлого соотношения таких этнических общностей, как «татары» и «кыпчаки». Но до перехода к нему остановимся на этнониме токсоба.

Клан (или объединение / орда) токсоба, в русских летописях при описании событий XII в. упоминающийся среди половцев как *Токсобичи*, по мнению Плетневой, занимал степи междуречья Дона и Донца [29, с. 97–98]. В арабских источниках этот этноним передан в форме *tokus-aba* / токсоба [47, s. 91; 19 с. 79]. Корень данного этнонима – токс / тукс, а оба / аба – это, как было выше показано, монгольское обозначение родственной группы (овох / овог).

Исследователи уже высказывали мнение о том, что этноним *токс* / «*тукс*» – это понятие, обозначающее числительное «девять» – «*тугыз*» [9, с. 64]. Так как числительное «тугыз / тогус» в тюркском мире действительно бытовало в качестве этнонима – мы знаем раннесредневековых «тогуз татар» и «тогуз огузов», то не удивительно присутствие этого этнонима и среди кыпчаков. На самом деле этот «цифровой» этноним бытовал в разных районах проживания тюрок и позже.

Скажем, в составе «алтай кижии» и тубаларов имелось родовое подразделение «*тогус*» [31, с. 23, 84; 2, с. 57]. Алтайские исследователи считают группу тогус частью «татар», мигрировавших на Алтай в результате падения Сибирского ханства [2, с. 57]. Действительно, некоторые основания для такого заключения имеются. В частности, в Вагайском районе Тюменской области существует зафиксированное еще в XVIII в. сибирско-татарское село Токуз (Тогусовы, Тукуз) [35, с. 74], в конце XVI–XVII вв., несмотря на малочисленность населения, образовавшее самостоятельную волость, явно имевшую родоплеменной характер [22, с. 285, 352, 468]. Сюда еще следует добавить Тогузскую волость, в начале XVII в. отмеченную в бассейне р. Иж (современная территория северо-востока Татарстана) и населенную сословными «башкирами» [11, с. 37]. По ранним историческим связям эту волость (родовое владение) можно связывать в данном случае с кыпчаками, хотя ее контакты с населением волости Еней (угорское / иштякское образование) говорит скорее о тюрко-угорских, вероятнее всего, сибирских истоках рассматриваемого

мой группы (детальнее см.: [34; 22]). Наконец, с некоторой долей осторожности можно предположить, что отмечаемый в отдельных русских летописях под 1184 г. на территории Волжской Булгарии городок Тухчин в основе своего наименования может содержать тот же этноним (*тухч / тукус* + окончание – *ин*). В итоге, общий смысл старого этнонима токсоба на самом деле может свестись к обозначению «девяти родовые / племенные» и восходить к этнонимам древнетюркского круга.

Как видим, историко-этнологические материалы не вполне согласуются с определением Ибн Халдуна клана дурут (*дүрт / терьт*) как кыпчакского, а клана токсоба (*туксоба*) – как татарского этнического формирования. На самом деле первые как раз являлись ответвлением древних татар, но затем, правда, пребывали среди половцев, а вторые в XII в. уже фигурируют в составе половцев (кыпчаков), хотя исходно могли быть частью древних тюрок.

Так о чем же все-таки сигнализирует разбираемое определение арабского историка, жившего XIV– начале XV вв. и явно опиравшегося на историческую память мамлюков из кыпчаков? Тут возможны два объяснения. Во-первых, в золотоордынское время клан токсоба (возможно, в преобразованном виде уже как племя «кыпчак» с ураном «туксоба») мог сохраниться в относительно целостном виде и из-за контактов Золотой Орды с Мамлюкским Египтом он ко времени жизни Ибн-Халдуна мог восприниматься мамлюками как часть «татар», то есть, как золотоордынцы, которые для арабов и египетских мамлюков таковыми и являлись. Подобное объяснение допустимо потому, что клан токсоба после поражения от племени дурут (*дүрт / терьт*), согласно ан-Нувайри, вынужден был стать союзником (федератом) Джучи. Именно в такой ситуации данное племя и могло сохранить в той или иной степени свою целостность, превратившись для монголов в клан «кыпчак». Похоже также, что объединение токсоба в домонгольское время занимало более восточное положение по сравнению с объединением хана Котяна. Кроме прочего об этом свидетельствуют данные о нахождении клана каракыпшак в составе казахов и аналогичного подразделения – в составе башкир, а также наличие среди алтайцев рода кыпчак.

Несмотря на логичность такой гипотезы, можно предложить еще одно, на этот раз более сложное, объяснение разбираемого пассажа Ибн Халдуна. Оно зиждется на том, что в составе усилившихся с XI в. половцев / кыпчаков могли существовать определенные этногенетические линии, восходившие как к кыпчакам, так и к средневековым татарам. Причем представители этих «линий», не исключено, вначале занимали разные территории – собственно кыпчаки / половцы (куманы) – более западные, а восходившие тюркам из Кимакского каганата восточные кимако-кыпчаки с татарским компонентом – более восточные ареалы, близкие к бассейну Иртыша.

На деле при разборе данного вопроса мы выходим на остающуюся до сих пор дискуссионной проблему наличия в правящей верхушке кыпчаков / половцев «монгольской» («монголо-татарской») и собственно тюркской по происхождению и клановой принадлежности, элиты (подробнее об этом см.: [10]). Если резюмировать предлагаемые в литературе по данной проблеме подходы – а более детальный их разбор осуществлен нами в только что отмеченной работе – они сводятся к следующим основным моментам.

В формировании Кимакского каганата (Кимакского объединения), из которого кыпчаки и вышли, татары, по мнению известного американского тюрколога П. Голдена, сыграли «ключевую роль» (см. например: [43; 44; 45]). Значимость их в этом государстве проявлялась в том, что в «Зайн ал-ахбар» Гардизи (труд написан в сер. XI в., но отражает скорее всего более раннюю этнополитическую ситуацию [18, с. 53, 113–114]) указывается – основателем данного государства, локализованного в бассейне р. Иртыша, являлся некий Шад – а так в древнетюркских политиях именовались ближайшие родственники каганов по мужской линии – будучи «начальником татар» бежавший к «большой реке» (подразумевается Иртыш) и там начавший жить. Затем к нему прибыли еще семь его родственников, определенных так: Ими (часть уйгур), Имак (это вариант этнонима кимак), Татар, Байандур, Кыпчак, Лнкиаз, Аджляд [18, с. 4, 37–38]. За этими эпонимами ясно проглядывают конкретные племенные группы, кроме последних двух хорошо известные в Центральной Азии и прилегающих зонах. Но для нас в данном случае интересны татары, занимавшие особое положение «царственного рода» среди кимаков, ибо они позже в качестве элитного клана фигурируют в восточной зоне Дешт-и Кыпчака и у других авторов. Например, в сочинении Джуджани «Табакат-и Насыри» (1259–1260) содержится рассказ о походе Хорезмшаха Мухаммада II в 1218/1219 г. против кыпчаков такого содержания: «В 615 г.х. он (хорезмшах Мухаммад б. Текеш – Д.И.) отправился за Кадыр-ханом, являвшимся сыном Юсуфа Татарского, в Туркестан и проник ... настолько далеко, что [достиг] Уйгура [I-ghur]... <и> Северного полюса...» [42, Vol. I, p. 267]. Это сообщение в литературе разбиралось неоднократно (обзор см.: [12, № 2, с. 52–68]), в итоге мы сейчас знаем, что в нем речь идет о восточной зоне проживания кыпчаков, скорее всего, как думаем, о территории будущих Каркаралинских кыпчаков, где обитали потомки населения Кимакского каганата (не случайно, что упомянутый отец Кадыр-хана Юсуф в том источнике назван еще и Юсуфом Йемеком [42, Vol. II, p. 1096–1097]). Между разными кланами с этого ареала имелась глубокая связь, приводившая к тому, что в источниках, описывающих эту территорию, понятия «татар», «йемек / кимак», «кыпчак» и даже «уйгур» [10, с. 63], выступают не только взаимосвязанными, но и взаимозаменяемыми. Причем причастность к «татарам» была характерна не только для отмеченных выше групп, но и для некоторых иных племенных объединений, локализованных вблизи отмеченной зоны. В частности, Джуджани татарами считал также найманов [42, Vol. I, p. 264]. Такую же картину мы видим и у Ибн ал-Асира. Хотя применительно к последнему автору можно было бы заподозрить, что он под «татарами» подразумевал «монголов», но относительно Джуджани этого сказать нельзя – он прекрасно отделял тюрков от монголов. Единственно, он мог использовать этноним «татар», имея в виду их особое положение, в расширительном смысле, обозначающем тюрков вообще, тем более что в случае с найманами, являвшимися потомками «секиз огузов», то есть, уйгуров, трудно отрицать их принадлежность к тюркам, хотя и допустимо подпадание их в предмонгольское время под влияние киданей (кара-китаев). Наконец, надо напомнить и о том, что согласно «Худуд ал-Алам» (982–983) татары в свое время вообще являлись одним из кланов, входивших в состав тогуз-огузов [40, с. 40], то есть, ранних уйгур, что исследователями уже отмечалось [18, с. 42; 20, с. 170–177]. Да и

указанное выше сообщение Гардизи о «соседстве» татар с уйгурами в Кимакском объединении по большому счету свидетельствует о том же.

Имея в виду татарские присутствие в Кимакском каганате и в некоторых соседних политиях (например, как отмечалось, в Найманском ханстве), у кыпчаков, выделившихся из состава кимаков и являвшихся фактически западной их ветвью [24, с. 42], можно предположить значительный собственно «татарский» этнический элемент. Об этом собственно в свое время и писал один из крупных отечественных тюркологов татарского происхождения – Э.Н. Наджип. Разбирая эпизод прибытия в Египет около 1262 г. во время правления Бейбарса знатных золотоордынцев, он заметил: «<Эти> татарские эмиры являлись коренными жителями кыпчакских степей... Племена, называвшиеся татарскими, жили в Дешт-и Кыпчак и до прихода монголов на эту территорию» [24, с. 86]. С таким выводом приходится соглашаться. Но имея в виду этническую неоднородность кыпчаков, татарское этническое составное у них следует искать прежде всего у восточных кыпчаков, в чьем формировании основную роль сыграли кимаки и этнически связанные с ними канглы и ряд других, близких к ним групп.

Заключение

Потомки восточных (кара) кыпчаков, расселенных вплоть до бассейна Иртыша и Алтайской зоны, сыграли существенную роль в этногенезе как сибирских татар, казахов, башкир, так и алтайских этносов. Именно выходцы из этой этнической среды и могли быть носителями исторической памяти, нашедшей отражение в дастане «Ак Күбэк». Более чем вероятно, что этнические наследники кимакско-канглинских групп были сдвинуты на запад в ходе монгольских завоеваний 1230-х – начала 1240-х годов, а в ходе военных действий в эпоху Западного похода могли сказаться в плену, затем, в конце концов, в составе мамлюков Египта, где их устное творчество вероятно и попало на страницы арабских хроник. То, что дастан «Ак Күбэк» в наиболее развитом виде, близком к текстам из арабских хроник, сохранился только у сибирских татар, свидетельствует о значимости восточно-кыпчакского этнического составного в их этногенезе. Но данный вопрос требует еще дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ак Күбэк // Татар эпосы. Дастаннар. Казан: «Раннур» нәшрияты, 2004. Б. 530–538.
2. Алтайцы. Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Енеев (отв. ред.), Н.М. Енеева, Э.Г. Енчинов, НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989. 293 с.
4. Әхмәтова Ф.В. Дастаннар // Татар фольклоры жанрлары. Казан, 1978. Б. 26–50.
5. Башкирские родословные / Состав. предисл., пояснения к переводу, перев. на рус. яз., послесловие Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; указ., факсимиле Р.М. Булгакова. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: «Китап», 2016. 480 с.
6. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б.Я. Владимирцов; редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Слесарчук Г.И. М.: «Вост. лит.», 2002. 557 с.

7. Закирова И.Г. Дастан «Ак Кубек» тюркских народов. // Вестник Чувашского ун-та. 2009, no. 44. С. 296–301.

8. Закирова И.Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань, 2011. 268 с.

9. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Под-ка к нов. изд., введ., дополнения и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Мукминовой. Алматы: «Дайк Пресс», 2005. 711 с.

10. Исхаков Д.М. «Дэфтәре Чыңгыз-намә» әсәренә бер урынына комментарий // Туган жир. Родной край. 2018, no. 2. Б. 25–28.

11. Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 60–67.

12. Исхаков Д.М. История племени Кай (Кайы) и вопрос о происхождении династии Османов // Туган жир. Родной край. 2020, no. 1. С. 34–50; № 2. С. 52–68.

13. Исхаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей». 80-летию Р.Г. Кузеева. «Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 17–19 апреля 2009». Уфа, 2009. С. 224–227.

14. Исхаков Д.М. Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. С. 60–67.

15. Исхаков Д.М. По следам одного татарского дастана: в поисках исторических реалий в эпическом произведении «Ак Кубәк» // Туган жир. Родной край. 2021, no. 4. С. 20–33.

16. Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. Вып. XIV. Тобольск, 1905. С. 1–28.

17. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав. История расселения. М.: Изд-во «Наука», 1974. 570 с.

18. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 155 с.

19. Кушкумбаев А.К. Сведения казахских шежере по истории средневековых кыпчаков / Кушкумбаев А.К. // «Дешті Кыпшақтың орта ғасырлық тарихы» атты Халықаралық ғылыми конференция. 2017 жылдың 13–14 қыркүйегі. Павлодар: «ЭКО» ГӨФЖШС, 2018. Б. 76–82.

20. Кызласов Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь. Центральная Азия и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1975. С. 170–177.

21. Кыргызы / отв. ред. А.А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров; Ин-т этнологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории и культурного наследия НАН КР. М.: «Наука», 2016. 623 с.

22. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. втор., дополн. Т I. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 630 с.

23. Миранстан биш сәхифә: XVII–XIX ғасырлар әдәби-тарихи ядкярләре [тарнс. эшләүче, хәзерге әдәби теленә күчерүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С. Гыйләжетдинов]. Казан. кит. нәшр., 2011. 331 б.

24. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: «Наука». Главная ред. вост. литературы, 1989. 281 с.

25. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В.В. Радловым. СПб., 1886. Ч. I. 420 с.

26. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В.В. Радловым. СПб., 1872. Ч. IV. 411 с.

27. Образцы народной литературы тюркских племен, изданных В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым, СПб., 1907. 660 с.
28. Плетнева С.А. Половцы. М.: Изд-во «Ломоносов», 2010. 216 с.
29. Плетнева С.А. Половцы. Ответ. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М.: «Наука», 1990. 208 с.
30. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетские окраины Китая и Центральная Монголия. Путешествия Г.Н. Потанина. 1884–1886. Т. Второй. СПб., 1893. 436 с.
31. Потапов А.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1969. 196 с.
32. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая. М.: «Ладомир», 2001. 315 с.
33. Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Аксикенти, аның уулу Нурмухаммед Тарыктардын жыйнагы («Мажму-ат ут-таварих») / котор. М. Добсолов, О. Сооронов. Бишкек: «Акыл» мамконцерни, 1996. 128 б.
34. Саетов Р.С. Бүләр (Бараж) шәжәрәсе // Туган жир. Родной край. 2018, no. 4. Б. 99–116.
35. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 274 с.
36. Урманчеев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казань. 1984. 312 с.
37. Урманчеев Ф.И. Героическое сказание «Ак Кубек» // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 13–25.
38. Урманчеев Ф.И. Татар халык ижаты. Казан: «Мәгариф», 2002. 335 б.
39. Фалеев П.А. Ногайская сказка об Ак-Кобоке // Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837–1917). Т. 5. Вып. 1. Пертоград, 1918. С. 189–196.
40. Худуд ал-'алам // Материалы по истории Киргизии. Вып. I. М.: «Наука». Гл. ред. вост. лит-ры, 1979. С. 35–44.
41. Юсупов Ф.Ю. В.В. Радлов и его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи». Часть IV. Нижний Тагил: ООО «Онлайн-сервис», 2021. 912 с.
42. [Juzjani] Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a. d.) to a. h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ad-din, Aby-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Juzjani]. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation. 1970. Vol. I. 718 p. Vol. II. 1296 p.
43. Golden Peter B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I, pp. 296–309.
44. Golden P.B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): the fortunes and mistofortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1986. Vol. 66, pp. 5–30.
45. Golden P.B. Ethnicity and state formation in pre-Cinggisid Turkic Eurasia. Indiana University, 2001. 46 p.
46. Horváth, Andras P. Pecheneges, Cumans, lasians. Steppe peoples in medieval Hungary. Budapest: «Corvina Kiado», 1989. 142 p.
47. Kirzioğlu F. Yukari-Kür ve Çoruk boyları'nda Kıpçaklar. Ankara: Türk tarih kurumu basimevi, 1992. 278 s.

Сведения об авторах: Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной станции УрО РАН; главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (420015, ул. Пушкина, 52, Казань, Российская Федерация). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Илсеяр Гамиловна Закирова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация). E-mail: ilzakirova@mail.ru

Поступила 16.05.2022 Принята к публикации 10.08.2022
Опубликована 29.09.2022

REFERENCES

1. Ak Kubek. *Tatar eposy. Dastannar* [Tatar epics. Dastans]. Kazan: publishing house «Rannur», 2004, pp. 530–538. (In Tatar)
2. Altaians. Ethnic history. Traditional culture. Modern development. Editorial board N.V. Eneev (ed.), N.M. Eneeva, E.G. Enchinov, S.S. Surazakov Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2014. 464 p. (In Russian)
3. Ahinzhanov S.M. Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan. Alma-Ata: Nauka, 1989. 293 p. (In Russian)
4. Ahmatova F.V. Dastans. *Tatar fol'klory zhanrlary* [Genres of Tatar folklore]. Kazan, 1978, pp. 26–50. (In Tatar)
5. Bashkir pedigrees. Composition. preface, explanations to the translation, transl. in Russian, afterword by R.M. Bulgakov, M.H. Nadergulov; decree, facsimile by R.M. Bulgakov. 2nd ed., corr. and add. Ufa: Kitap, 2016. 480 p. (In Russian)
6. Vladimircov B.YA. Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples. Editorial board: V.M. Alpatov (pred.) and others; Comp. Slesarchuk G.I. Moscow: «Oriental literature», 2002. 557 p. (In Russian)
7. Zakirova I.G. Dastan «Ak Kubek» of the Turkic peoples. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2009, no. 44, pp. 296–301. (In Russian)
8. Zakirova I.G. Epic creativity of the Golden Horde period: mythological and historical foundations. Kazan, 2011. 268 p. (In Russian)
9. The history of Kazakhstan in Arabic sources. Vol. I. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic works collected by V.G. Tiesenhäusen. Revised and expanded edition. Preparation for the new edition, introduction, additions and comments by E. Kumekov, A.K. Mukminova. Almaty: Dyke Press, 2005. 711 p. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. Commentary on the work of the same name «the notebook of Genghis-name». *Tugan jir* [Native land]. 2018, no. 2, pp. 25–28. (In Tatar)
11. Iskhakov D.M. From the ethnic history of the Tatars of the eastern regions of the Tatar ASSR to the beginning of the XX century. *K voprosu etnicheskoy istorii tatarskogo naroda* [New in ethnographic studies of the Tatar people]. Kazan: IYALI KFAN USSR, 1985, pp. 60–67 (In Russian)
12. Iskhakov D.M. The history of the Kai (Kayy) tribe and the question of the origin of the Ottoman dynasty. *Tugan jir* [Native land]. 2020, no. 1, pp. 34–50; no. 2, pp. 52–68 (In Russian)
13. Iskhakov D.M. New data on the clan affiliation of the «Siberian Princes». To the 80th anniversary of R.G. Kuzeev. *«Etnos. Obshchestvo. Civilizaciya: II Kuzeevskie chteniya* [«Ethnos. Society. Civilization: II Kuzeyev readings»]. Ufa, 2009, pp. 224–227 (In Russian)
14. Iskhakov D.M. Patronymia of the Chepetsky Tatars. *Novoe v etnograficheskikh issledovaniyah tatarskogo naroda* [New in ethnographic studies of the Tatar people]. Kazan: IYALI KFAN USSR, 1978, pp. 60–67 (In Russian)
15. Iskhakov D.M. In the footsteps of a Tatar dastan: in search of historical realities in the epic work «Ak Kubek». *Tugan jir*. [Native land]. 2021, no. 4, pp. 20–33 (In Russian)

16. Katanov N. On the religious wars of the disciples of Sheikh Bagautdin against the foreigners of Western Siberia (according to the manuscripts of the Tobolsk Provincial Museum). *Ezhгодnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum]. 1904. Issue XIV. Tobolsk, 1905, pp. 1–28 (In Russian)

17. Kuzeev R.G. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition. The history of settlement. Moscow: Nauka, 1974. 570 p. (In Russian)

18. Kumekov B.E. The state of the Kimaks of the IX–XI centuries according to Arabic sources. Alma-Ata: Publishing house «Nauka» of the Kazakh SSR, 1972. 155 p. (In Russian)

19. Kushkumbaev A.K. Information of Kazakh shezhere on the history of medieval Kipchaks. «*Deshti Kypshaknyg orta gasyryk tarihy*» atty *Halyqaralyq gylymi konferenciya. 2017 zhyldyń 13–14 kyrkujuti*. [International Scientific Conference “Medieval History of Deshti Kipchak”]. September 13–14, 2017.]. Pavlodar: «ECO» GFZSHS, 2018, pp. 76–82 (In Russian)

20. Kyzlasov L.R. Early Mongols (On the problem of the origins of medieval culture) *Sibir'. Central'naya Aziya i Vostochnaya Aziya / Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [Siberia. Central Asia and East Asia / History and Culture of East Asia]. Vol. III. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1975, pp. 170–177 (In Russian)

21. Kyrgyz. Ed. A.A. Asankanov, O.I. Brusina, A.Z. Zhaparov; Institute of Ethnology named after N.N. Miklukho-Maklay RAS; Institute of History and Cultural Heritage of NAS KR]. Moscow: Nauka, 2016. 623 p. (In Russian)

22. Miller G.F. History of Siberia. Second ext. ed. Vol. I. Moscow: Oriental literature, 1999. 630 p. (In Russian)

23. Five pages from the heritage: literary and historical monuments of the XVII–XIX centuries (transl. and introduction S. Gilyazutdinov). Kazan: Tatar. Book Publ. House, 2011. 331 p. (In Tatar)

24. Nadzhip E.N. Studies on the history of the Turkic languages of the XI–XIV centuries. Moscow: Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1989. 281 p. (In Russian)

25. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe, collected by V.V. Radlov. St. Petersburg, 1886. Part I. 420 p. (In Russian)

26. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe, collected by V.V. Radlov. St. Petersburg, 1872. Part IV. 411 p. (In Russian)

27. Samples of folk literature of Turkic tribes published by V. Radlov. Part IX. Dialects of Uriankhai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N.F. Katanov. St. Petersburg, 1907. 660 p. (In Russian)

28. Pletneva S.A. Polovtsy Moscow: Lomonosov Publishing House, 2010. 216 p. (In Russian)

29. Pletneva S.A. Polovtsy. Gen. ed. akad. B.A. Rybakov. Moscow: Nauka, 1990. 208 p. (In Russian)

30. Potanin G.N. Tangut-Tibetan outskirts of China and Central Mongolia. Travels of G.N. Potanin. 1884–1886. Vol. II. St. Petersburg, 1893. 436 p. (In Russian)

31. Potapov A.P. Ethnic composition and origin of Altaians. Historical and ethnographic essay. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1969. 196 p. (In Russian)

32. Rashid ad-Din. Collection of chronicles. Vol. I. The first book. Moscow: «Ladimir», 2001. 315 p. (In Russian)

33. Saif al-din ibn damullo-Aksikent Shah Abbas, his son Nurmukhammad. Collection of Tari («Majmu-at ut-tavarih») / Editorial board M. Dobsolov, O. Sooronov]. Bishkek: State Concern «Akyl», 1996. 128 b. (In Kyrgyz)

34. Saetov R.S. The genealogy of Bulat (Baraza) *Tugan jir*. [Native land], 2018, no. 4, pp. 99–116. (In Tatar)

35. Tomilov N.A. The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the XVI – first quarter of the XIX centuries. Tomsk: Publishing House of TSU, 1980. 274 p. (In Russian)
36. Urmancheev F.I. The heroic epic of the Tatar people. Kazan, 1984. 312 p. (In Russian)
37. Urmancheev F.I. Heroic legend «Ak Kubek». *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. 1977, no. 3, pp. 13–25 (In Russian)
38. Urmancheev F.I. Tatar folk art. Kazan: «Magarif», 2002. 335 p. (In Tatar)
39. Faleev P.A. Nogai tale of Ak-Kobok *Sbornik muzeya antropologii i etnografii pri Rossijskoj Akademii nauk. Ko dnyu 80-letiya akademika Vasiliya Vasil'evicha Radlova (1837–1917)* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences. On the 80th anniversary of Academician Vasily Vasilyevich Radlov (1837–1917)]. Vol. 5. Iss. 1. Pertograd, 1918, pp. 189–196. (In Russian)
40. Hudud al-alam. *Materialy po istorii Kirgizii* [Materials on the history of Kyrgyzstan.]. Issue I. Moscow: Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1979, pp. 35–44. (In Russian)
41. Yusupov F.YU. V.V. Radlov and his book «Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungarian steppe». Part IV. Nizhny Tagil: Online Service LLC, 2021. 912 p. (In Russian)
42. [Juzjani] Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a. d.) to a. h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ad-din, Aby-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Juzjani. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation. 1970. Vol. I. 718 p. Vol. II. 1296 p. (In English)
43. Golden Peter B. The Polovci Dikii. *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I, pp. 296–309. (In English)
44. Golden P.B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): the fortunes and mistofortunes of an Inner Asian Nomadic Clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986. Vol. 66, pp. 5–30. (In English)
45. Golden P.B. Ethnicity and state formation in pre-Cinggisid Turkic Eurasia. Indiana University, 2001. 46 p. (In English)
46. Horváth, Andras P. Pecheneges, Cumans, lasians. Steppe peoples in medieval Hungary. Budapest: «Corvina Kiado», 1989. 142 p. (In English)
47. Kirzioğlu F. *Yukari-Kür ve Çoruk boylari'nda Kipçaklar*. Ankara: Türk tarih kurumu basimevi, 1992. 278 s. (In Turkish)

About the authors: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Chief Editor of the “Tugan jir. Native Land” magazine (52, Pushkin Str., Kazan 420015, Russian Federation). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Ilseyar G. Zakirova – Dr. Sci. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4, K. Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: ilzakirova@mail.ru

*Received May 16, 2022 Accepted for publication August 10, 2022
Published September 29, 2022*